

ПЕРЕБИРАЯ В ПАМЯТИ «коллекцию пациентов» своего скромного искусства, припоминая бесчисленные встречи и разговоры с самыми разнообразными людьми, с которыми сталкивала меня бродячая жизнь актера-одиночки, я, как истый «коллекционер», не без гордости останавливаюсь на особо ценных и редких экземплярах. Некоторыми из них я горжусь не меньше, чем какой-нибудь ювелир гордится черным бриллиантом или собиратель картин полотном Ван-Дейка.

Время от времени я припоминаю эти встречи во всех деталях, сдувая таким образом с них «пыль забвения», и, пережив все сначала, снова кладу их на место, в тот угол памяти, где у меня хранятся особо интересные воспоминания. Об одном таком незаурядном знакомстве мне хочется рассказать.

Однажды на одном из моих концертов в Париже в зале Гаво за кулисами, во время антракта появился среди толпы посетителей пожилой, среднего роста француз. Познакомившись, он рассыпался целым каскадом комплиментов по поводу концерта. Я не обратил бы на это особого внимания, но меня удивило и заинтриговало то обстоятельство, что мой собеседник был француз, так сказать «киностранец», не понимавший ни одного слова по-русски, и то, что на концерт он пришел с пачкой довольно недурных переводов моих песен. Следя по ним, он слушал каждую мою песню, уже зная в точности ее содержание. Оказалось, что у него дома есть весь выпуск моих грамофонных пластинок и что это уже не первый мой концерт, на котором он бывает. Отрекомендовавшись мне месье Дюпоном, которых во Франции столько же, сколько у нас в России Ивановых, он долго рассказывал мне о каком-то своем старом рус-

АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ прожил нелегкую жизнь. В годы революции он уехал за границу, но скоро понял свою ошибку. В течение двадцати пяти лет эмиграции он до боли тосковал по Родине, страдал, всем существом своим сознавая, как горек «чужой хлеб», как безрадостен шум «чужих городов». После Великой Отечественной войны артист вернулся в СССР. Дни на Родине были полны творчества. Вертинский пел, снимался в кино, писал мемуары. А вспомнить было что. Скитаясь по разным странам, он встречался с тысячами людей, с «королями и нищими», как он сам говорил, с теми, кто ненавидел его песни за тоску по русским полям, и с теми, кому эта тоска помогала оставаться человеком. Мы публикуем отрывок из воспоминаний А. Вертинского, любезно предоставленный нам женой покойного артиста — Л. Вертинской.

ском друге, который и научил его любить мои песни. Очень колелый, чуть суховатый, с узкими бледными руками, с седоватыми гладко причесанными волосами, в обыкновенном смокинге, он ничем не отличался от тысячи таких же французов, и наше знакомство, вероятно, на этом вечере и оборвалось бы, если бы ему не суждено было продолжаться дальше.

Однажды в воскресенье утром мы встретились с ним в Булонском лесу.

— Что вы сейчас намереваетесь делать? — спросил он. У меня не было определенных планов.

— Надо куда-нибудь поехать завтракать, — ответил я.

— Если вы ничего не имеете против, — предложил он, — мы можем позавтракать у меня. Я живу недалеко отсюда. Машина моя стоит тут у входа.

Я согласился. Светло-серый «Деляж» покати нас по аллеям Булонского леса. Приблизительно через полчаса мы были у цели. Серый французский особняк со львами у ворот. Маленький парк с газонами. Стеклянная галерея с десятками клеток. В клетках белые канарейки. На окнах цветы. В

большой столовой накрыт стол к завтраку.

Очаровательная девушка с синими лучистыми глазами вышла нам навстречу.

— Почему так поздно, папа? — спросила она.

Месье Дюпон поцеловал ее в лоб и объяснил задержку встречей со мной, сообщив, что я и есть тот Вертинский, который поет у них на пластинках. Девушка приветливо улыбалась:

— О, мы так часто вас слушаем! Ваши песни я уже знаю наизусть! Я и сама уже могу петь их. Вот послушайте.

И она с очаровательным акцентом пропела несколько фраз по-русски. Я заплодировал. Мы засмеялись. Завтрак прошел весело, и время пролетело быстро.

После завтрака мы пили кофе в гостиной и рассматривали канареек, которых, кстати, было великое множество.

— Папа обожает канареек! — сообщила Магги. — Он сам их кормит.

Мы поболтали немного и расстались друзьями.

ТЕПЕРЬ я отойду немного в сторону от первоначальной темы. Как-то в конце февраля в парижской Гранд-Опера был бал. Бал был традиционным и давался ежегодно в пользу престарелых актеров. В этот день обычно выступали актеры всех театров Парижа, и публика с удовольствием шла смотреть своих любимцев.

В программе участвовали и мы с Мозжухиным. Часа в три ночи, закончив программу, мы зашли поужинать в маленький ресторанчик на Монмартре. Усевшись в углу, мы занялись едой. Народу там собиралось много. Главными же клиентами были артисты многочисленных монмартрских кабаре, которые заходили туда отдохнуть и закупить после работы.

Мы пило вино. Внезапно входная дверь в вестибюль отворилась, и на пороге появи-

лась женщина. Это была наша общая приятельница, молодая манекенщица от Пату, очень хорошенькая Клод. Увидя нас, она сразу же направилась к нашему столику. Подали ужин. Она ни к чему не прикоснулась. Напрасно мы с Иваном развлекали ее разговорами, стараясь изо всех сил. Она была в состоянии какого-то оцепенения.

МЕСЬЕ

Часа в четыре ночи она стала просить нас отвезти ее на одну площадь. Ивана очень удивила эта просьба. Дело в том, что на этой площади не было жилых домов. Это был район, где помещались заводы, конторы и городские бойни. В центре ее стояла тюрьма.

— Что же ты там будешь делать ночью? — спросил Иван.

Клод не отвечала прямо.

— Мне нужно! Понимаешь, нужно. Иван задумался.

— Я знаю зачем, — тихо сказал он мне. В этот день на площади была назначена казнь некоего Гоше — молодого юноши, ограбившего ювелира на авеню Мозар и убившего его и его жену, и приказчика.

— Ты хочешь присутствовать при казни Гоше? — в упор спросил ее Иван. Клод разрыдалась. Гоше был ее любовником.

Она настаивала на своей просьбе. Ее губы дрожали, глаза готовы были выскочить из орбит. Она умоляла, грозя самоубийством.

Пришлось согласиться. Иван сел за руль машины, и мы помчались.

ДАЙБЛЕР

Александр ВЕРТИНСКИЙ

едва можно было отыскать, напрягая зрение. Мы были очень далеко от нее. Толпу не пускали. Она шумела тут же, возле нас, как морской прибой, приподымаясь на цыпочки и вытягивая шею, в тщетной надежде что-нибудь увидеть. Клод трясла лихорадка. Мы держали ее за руки, накинув на нее свои пальто. Прошло минут двадцать. Внезапно по толпе прошло какое-то движение. Точно шорох. Или вздох. Это где-то скатилась голова. Клод вскрикнула и забилась в истерике. Раздались свистки полицейских. Ее подняли и понесли в амбулаторию.

Иван, забыв обо мне, круто повернул машину и умчался куда-то. Я остался один. Светало. Толпа возвращалась к своим будничным заботам. Торговки несли корзины с цветами и фруктами; огромные фургоны, груженные морковью и капустой, скрипя, проплывали мимо. Рабочие спешили на фабрики...

Я стоял во фраке, в цилиндре и вечернем пальто и являл собой дикое зрелище. Я был близок к обмороку. Все это потрясло меня. Только бы добраться до постели и забыться...

Я оглянулся. Направо через площадь ходили маленького бистро, где продают уголь, дрова и вино, открывал дверь. Я вошел. Сев за грязный деревянный столик, потребовал стакан коньяку. Огненная влага обожгла меня и придушила мои нервы. Все как-то стало тише... Легкая дремота начала одолевать меня. В этот момент скрипнула дверь. На пороге появился месье Дюпон.

— Алло! Что вы делаете здесь в этот час? — изумленно спросил он.

Я рассказал ему все. Он покачал головой.

— Вам надо беречь свои нервы, дорогой! Вы артист! Это слишком сильные ощущения для вас... Берегите себя!..

Он выпил рюмку коньяку и крепко пожал мне руку. Уходя, он почти столкнулся в дверях с другим моим приятелем журналистом К.

— Откуда ты знаешь этого человека? — спросил меня журналист, подойдя к моему столику.

— Это мой поклонник, — нехотя ответил я.

— А ты знаешь, кто он такой?

— Нет.

— Это Дайблер. Палач города Парижа!

Стая белых канареек вспорхнула и вылетела из моей головы.